

УДК 321

Агаев Г.Ш.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КЛАНОВЫХ СООБЩЕСТВ КАЗАХСТАНА

G. Agayev

Moscow Humanitarian University M.A. Sholokhov

PAST, PRESENT AND FUTURE OF THE CLAN COMMUNITIES IN KAZAKHSTAN

Аннотация. Клановые сообщества в политическом процессе Казахстана, имеющие многовековую историю, включающую как периоды минимизации влияния на власть, так и периоды активизации деятельности, начали быстро регенерировать после обретения страной независимости и приобрели в Казахстане новые качества, лишь некоторыми, самыми общими чертами напоминающие связи и отношения, обновлённые родовой структурой традиционного общества. Статья представляет характеристику особенностей влияния латентных сообществ на политический процесс Казахстана в различные исторические периоды.

Ключевые слова: Казахстан, кланы, политическая элита, семейственность, преемственность власти.

Abstract. Clan communities in the political process in Kazakhstan have a long history, including both periods of minimizing the impact on power and the periods of revitalization. After the country gained its independence these clans quickly began to recover and gained new qualities in Kazakhstan. Among such qualities only a few most common ones resemble the connections and relationships updated by the traditional tribal structure of the society. The article represents the characteristic features of the latent communities' influence on the political process in Kazakhstan in different historical periods.

Key words: Kazakhstan, clans, political elite, nepotism, continuity of power.

Современная клановая структура государственной власти в Казахстане происходит от местной патриархальной политической культуры. Абсолютное право чингизидской династии на ханский трон и посты ниже рангом государственно-жuzовых образований, внутренняя замкнутость султанской группы привели к трансформации потомков-чингизидов в правящую клику внеэтнической природы.

Патриархальный характер политической культуры ранних казахстанцев виден в том, что функция правителей-чингизидов крылась в военно-политическом руководстве, международном представительстве. Тогда как в мирный период их административные и судебные права ограничивались племенной аристократической верхушкой, а также самой кочевой децентрализованной структурой государства. Эта структура была рассредоточена и закреплена по местным племенным и родовым системам, управлявшимся напрямую древними родами. Выходцы из родо-племенной знати, в сравнении с правителями-чингизидами, были ближе к обычной жизни тогдашних казахов, чингизиды несли больше сакрально-организационную функцию перед внешним врагом и общими трудностями, в глубинке всегда их власть была незначительной. Патриархальная политическая культура в Казахстане сохранилась и в советское время [1; 3].

Анализируя состояние властной казахской элиты в дореволюционный и советский период, а также в период первых лет независимости Республики Казахстан, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, за последний век в Казахстане сменились несколько типов общественно-политических систем, но политические элиты претерпели не столь глубокие трансформации. Хотя в советское время и декларировалось окончательное преодоление племенных и иных трайбалистских пережитков в казахском обществе, желаемое выдавалось за действительное [2].

При этом революционной и радикальной замены элит никогда не наблюдалось, отчего можно с большой долей уверенности предположить, что: а) границы смены элит весьма размыты во времени; б) элементы различных типов элит совместно существовали и причудливо переплетались/переплетаются до настоящего времени.

Во-вторых, казахстанская элита, участвовавшая в трагических событиях, связанных с «советской модернизацией» в республике, явилась прямой преемницей байской родоплеменной аристократии. Советский номенклатурный бюрократизм только на время идеологически прикрыл сущность трайбалистской архаики.

В-третьих, наблюдаемые попытки казахстанской исторической науки и публицистики формирования «комплекса вины» у казахов за «прегрешения» а) советской власти, б) имперской России, в) тоталитарной системы, г) диктатуры Центра, есть попытка существующей казахстанской элиты преодолеть комплекс неполноценности, проистекающий из генезиса «советского байства», как явления архаичного, оказавшегося у власти не в силу качественности, а, скорее, в результате высокой приспособляемости и удачного стечения обстоятельств.

Среди неформальных институтов влияния, определяющих систему управления в Казахстане, его внутреннюю и внешнюю политику, можно выделить несколько основных. Среди традиционных, точнее – полутрадици-

онных-полумодернизированных, институтов – это «большая Семья» президента и клан или элитная группа/корпорация, выстраиваемая по принципу кровнородственных связей участников и их общей принадлежности к одной и той же локальной традиционной общности (жузу, племени, роду). Среди нетрадиционных – пришедшие в эпоху независимости представители иностранного бизнеса, достигающие своих целей как официальным образом, через формальные институты власти, так и неофициальным, посредством влияния на высокопоставленных чиновников внутри страны и за рубежом и на ведущий неформальный институт власти РК – президентское окружение.

Важно отметить, что в высших слоях правящего класса Казахстана доминирует «Семья» президента и личная клановая преданность, связанность олигархическими интересами [6]. Элите присущи герметичность и дистанцированность: экономическая, политическая и ментальная отчужденность от остальной массы населения.

Интегрированная вокруг «большой Семьи» крупная экспортно-сырьевая космополитичная олигархия и высшая казахстанская номенклатурная бизнес-элита составляют две главные опоры «Семьи» и всего нынешнего статус-кво.

Могущество центральной политической власти в образе главы государства появилось по причине целенаправленного желания федеральных органов и связанных с ними кланов предотвратить деструктивную эволюцию региональных казахстанских элит как самостоятельных государственных акторов внутри Казахстана и за его границами. При этом абсолютно все формальные властные институты страны целиком и полностью зависят от президента и его ближайшего окружения. Полномочия Нурсултана Назарбаева в настоящее время практически ничем не ограничены.

Одновременно частичное возрождение традиционных механизмов регуляции казахского общества делает президента зависимым от расстановки внутривластных

сил, использующих эти механизмы, вкупе с новыми, для укрепления своих позиций.

Необходимо реально осознавать, что постепенное перетекание власти и ресурсов Казахстана от формальных институтов к неформальным размывает правовые основы, и, соответственно, закрепленные в формальных законах полномочия президента, реализация которых начинает зависеть от расклада сил в неформальных институтах влияния. Это приводит к снижению легитимности верховной власти и открывает возможности для ее критики, в том числе и со стороны мирового сообщества, что ослабляет позиции страны на международной арене. Этим активно начинают пользоваться мировые державы: они напоминают в критические моменты межгосударственных отношений о неправовых «особенностях» политического режима и выторговывают, таким образом, необходимые для себя решения.

Когда в осуществление внешнеполитических задач, записанных в доктрине государства, начинают вмешиваться частные интересы, внешняя политика страны начинает приобретать причудливые формы, не всегда поддающиеся объяснению через логику развития государства [5]. В результате реальная внешняя политика оказывается отчужденной от политики, декларируемой президентом, и от основополагающих целей, озвученных им. Данные замечания и выводы привели автора к выдвиганию нескольких рекомендаций относительно казахстанской демократии.

1. Необходимо реформировать систему образования страны, сутью реформы должна стать парадигма внеклановости подготовки профессионалов.

2. После реформы образования требуется провести решительные изменения в казахстанской государственной кадровой политике. Основой кадровой системы должен стать профессионализм, компетентность, отчетность, прозрачность, а не клановость и этничность. В этом случае можно обратиться к

опыту США с мерикотратическим подходом к государственной службе.

3. Нужно сформировать этос профессионального госслужащего Казахстана с тем упором, что чиновнику будет невыгодно нарушать закон и осуществлять свою деятельность в рамках клановых патрон-клиентских систем. Здесь необходимо учесть опыт Сингапура в борьбе с коррупцией [4].

4. После реформ государственной службы можно будет перейти к реальной демократизации политической системы страны – профессиональная кадровая система, занятая исполнением своих функций и не основанная на клановой структуре, не должна вмешиваться в деятельность парламента, партий, гражданского общества и других демократических институтов. На этом этапе важен опыт Канады, где успешно работают на практике принципы политической этики представительной власти.

Между тем только с введением целенаправленного политического проекта возможна и демократизация, и улучшение уровня жизни обычных людей в Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аяганов Б. Государство Казахстан: эволюция общественных систем. – Алматы: Жазуши, 1993. – 148 с.
2. Григорьев В. Ахметова Л. Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху: Учебное пособие. – Алматы: «ИП Волкова А.В.», 2010. – 232 с.
3. Ерофеева И. Казахские ханы и ханские династии в XVIII-сер. XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. – Алматы, 1997. – С. 46-144.
4. Затулин К., Грозин А., Хлюпин В. Национальная безопасность Казахстана. Проблемы и перспективы. – М., 1998. – 143 с.
5. Лаумулин М. Казахстан в современных международных отношениях: безопасность, геополитика. Политология. – Алматы, 2000. – 480 с.
6. Хлюпин В. «Большая семья» Нурсултана Назарбаева. Политическая элита современного Казахстана. – М., 1998. – 111 с.